

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.018
УДК 930(470)“20” + 930.1 +
+ 94(470)“1940/1953”:323.23

Н. Д. Гилевич
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КАК ПРОШЛОЕ ДЕЛАЛИ «ПОЛЕЗНЫМ» В СТАЛИНСКОЙ РОССИИ

Рец. на кн.: *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

В рецензии рассматривается научно-популярная книга ведущего специалиста по истории отечественной исторической науки XX в. В. В. Тихонова, посвященная описанию сложных взаимоотношений между исторической наукой и политико-идеологическими структурами в период сталинизма. Автор освещает вопросы о влиянии взглядов И. В. Сталина на производство научного знания, съемки исторического кино, ход и результат отдельных дискуссий в научной среде, формирование культа исторических героев, об особенностях проводимых идеологических кампаний и о роли в них «маленьких людей», о роли юбилеев в формировании идеологического нарратива. Данная книга будет полезна не только для широкой аудитории, но и для специалистов, так как автор помимо изложения фактов по истории науки еще и формулирует проблемы, требующие решения.

Ключевые слова: историография; история советской исторической науки; идеологические кампании

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Цитирование: *Гилевич Н. Д.* Как прошлое делали «полезным» в сталинской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 272–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.018>. Рец. на кн.: *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

Поступила в редакцию: 13.11.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Nikita D. GilevichUral Federal University
Ekaterinburg, Russia**MAKING THE PAST “USEFUL” IN STALINIST RUSSIA****Review of:** Tikhonov, V. (2024). *Poleznoe proshloe: Istorii v stalinskom SSSR* [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO. 368 p.

This review considers a popular scholarly book by V. V. Tikhonov, a leading specialist in the history of Russian historical studies of the twentieth century, devoted to the description of the complex relationship between historical studies and political-ideological structures during the Stalin era. The author covers questions about the influence of Stalin’s views on the production of scientific knowledge, the making of historical films, the course and outcome of individual discussions in academia, the formation of the cult of historical heroes, the peculiarities of ideological campaigns and the role of ‘little people’ in them, and the significance of anniversaries for the formation of the ideological narrative. This book may prove useful not only for a general audience, but also for specialists, as in addition to presenting facts on the history of science, the author also formulates problems that need to be solved.

Key words: historiography; history of Soviet historical studies; ideological campaigns

Acknowledgements

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Gilevich, N. D. (2025). Kak proshloe delali “poleznym” v stalinskoj Rossii [Making the Past “Useful” in Stalinist Russia]. *Review of:* Tikhonov, V. (2024). *Poleznoe proshloe: Istorii v stalinskom SSSR* [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 272–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.018>

*Submitted: 13.11.2024**Accepted: 28.01.2025*

С 2017 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» выходит серия научно-популярных книг «Что такое Россия», в рамках которой ведущие историки освещают для широкой аудитории сложные и актуальные проблемы в изучении прошлого нашей страны. Не является исключением в этом плане и вышедшая в 2024 г. книга В. Тихонова «Полезное прошлое: История в сталинском СССР».

Виталий Витальевич Тихонов — ведущий специалист по истории отечественной исторической науки XX в., концепции и наблюдения которого являются практически общепризнанными. И хотя рецензируемая книга имеет научно-популярный характер, можно сказать, что в ней автор представил в обобщенном виде ключевые наблюдения из своих работ по данной теме за последние 15 лет.

Книга состоит из введения, десяти глав, часть из которых подразделяется на параграфы, и заключения. Во введении автор знакомит читателя с отношением к прошлому как к идеологическому ресурсу, используемому властью имущими в политических целях. При этом он указывает, что «инструментализация истории... не является признаком исключительно сталинского СССР или какого-то другого конкретного режима», и само понятие «полезное прошлое», вынесенное в заглавие книги, было придумано в 1918 г. американским литератором В. В. Бруксом, призывавшим к созданию способствующего процветанию США исторического нарратива. Однако сложившаяся в СССР ситуация монополии государства на распространение информации приводила к тому, что «историческая политика становилась весьма эффективной» (с. 8). «Эффективность исторической политики», исходя из текста книги, проявлялась в исполнении исторической наукой приписанной ей государством функции легитимации его достижений (Там же).

Первая глава «Историческая наука и советская власть в 1920–1940-е годы» дает общий обзор взаимоотношений между наукой и властью с позднеимперского времени и до конца 1940-х гг. Говоря о 1920-х гг., В. В. Тихонов считает заблуждением, что субкультуры старых специалистов и новых историков-марксистов существовали «как бы в параллельных мирах, не соприкасаясь друг с другом» (с. 33). По его мнению, между ними были точки соприкосновения, и каждая из сторон училась друг у друга. Так, он выделяет ряд аспектов, сближавших «старых спецов» с интересами новой власти: внимание к социально-экономической истории в позднеимперской историографии (с. 21), работа в структурах РАНИОН и ГАИМК (с. 27), поддержка краеведческих исследований (с. 28).

Автор находит интересное объяснение ненужности и, как следствие, упадка при начале советской власти таких направлений, как антиковедение, славяноведение и византиноведение (с. 29). Причина была в «падении самодержавия и его социально-политических последствиях»: до 1917 г. на эти направления выделялись государственные субсидии в рамках внешней политики России, связанной с поддержкой панславизма и претензиями на Черноморские проливы. После 1917 г. произошла смена внешнеполитических приоритетов, благодаря чему получили развитие уже востоковедение и африканистика (с. 30–31).

Вторая глава «Сталин читает исторические труды и смотрит историческое кино» состоит из двух частей. В первой анализируется круг чтения И. В. Сталина и демонстрируется его интерес к книгам по истории. То, как Сталин их читал, показано на примере книг из его библиотеки о древней истории, сохранивших множество помет владельца (с. 69). Такое чтение имело конкретное практическое применение. Вождь отметилсЯ введением тезиса о «революции рабов в Риме» (с. 65), а также использованием образа Октавиана Августа при позиционировании себя как продолжателя дела Ленина (с. 65–66). Кроме того, его занимало древнее государство Урарту. Включение его в общий курс истории СССР позволяло удревнить историю СССР, решало проблему прохождения

СССР всех пяти формаций, и, наконец, было интересно вождю как часть истории его родной Грузии (с. 70–71).

В части, посвященной историческому кино, автор не стремится дать характеристику всем вышедшим в СССР в эти годы фильмам, которые можно отнести к данной категории. Относительно подробно В. В. Тихонов дает историю создания и реакцию вождя на фильмы «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Богдан Хмельницкий», «Великий моурави» (с. 75–79). Этим характеристикам иногда не хватает большего исторического контекста, пусть сведения, которые могли бы его прояснить, есть в других разделах книги. Так, объяснение изменения восприятия образа Богдана Хмельницкого находится в главе про школьные учебники (с. 124). Возможно, поместить именно туда описание фильма, который лишь зафиксировал свершившийся идеологический поворот, было бы логичнее, особенно с учетом того, что часть фильмов разбирается в других разделах книги.

В третьей главе «Сталин редактирует историю партии» автор приводит основные направления данной деятельности: создание «кавказского мифа» (с. 86), преуменьшение роли Троцкого (с. 88), концепцию Ленина и Сталина как двух вождей большевизма (с. 96). Там же Тихонов поместил часть материала о формировании истории Революции и Гражданской войны. На наш взгляд, данную тему все же имело смысл рассмотреть целостно. Как ни парадоксально, эта важная с точки зрения идеологии тема оказалась в сталинском СССР на положении сколь «полезной», столь и неудобной истории. Исследователям она была неудобна тем, что именно в ее отношении чаще всего менялась «генеральная линия». Здесь показательна судьба И. И. Минца, который хотя и затягивал написание «Истории Гражданской войны», понимая возможность идеологических изменений (с. 87), однако не смог избежать критики уже во время кампании по борьбе с «космополитизмом» (с. 327–328). Неудобной эта тема оказалась и для официальной идеологии, так как вчерашние герои завтра становились «врагами народа». В связи с этим на первый план разумнее было выдвигать более древних исторических героев, живых свидетелей деятельности которых уже не было, и чей образ можно было изменять как угодно. Аналогичная ситуация, как это следует из рецензируемой книги, сложилась и с юбилеями Революции: в 1937 и 1947 гг. они были оттенены более политически и идеологически удобными праздниками (с. 172, 175, 176). В угоду текущему моменту образ Революции менялся, создавались ситуативные исторические мифы, не способные выдержать критической проверки.

В четвертой главе «Сталин и школьные учебники истории» вызывает интерес рассмотренная автором динамика изменения идеологических подходов к ряду исторических событий российской и всеобщей истории. Так, тезис о «тюрьме народов» сменяет тезис о «наименьшем зле», а затем о безусловном благе вхождения той или иной территории в состав России (с. 124). В области учебников по Новой истории не менее интересно изменение образа США во время Великой Отечественной и после начала холодной войны (с. 135).

В пятой главе «Культ исторических героев: Иван Грозный и Петр I» автор приводит основные вехи формирования идеологических установок и создания на их основе художественных и исторических произведений, посвященных этим историческим деятелям. Согласно В. В. Тихонову, «реабилитация» Ивана IV в научных кругах была построена на идеях Р. Ю. Виппера, в художественной литературе на это работали пьеса А. Толстого и фильм С. Эйзенштейна (с. 143–154). Образ Петра I во многом строился вокруг романа А. Толстого и снятого двухсерийного исторического фильма (156–157). Оба исторических деятеля рассматривались идеологическими структурами как создатели великих держав (с. 143), и на их примере доказывался тезис о том, что цель оправдывает средства, включая террор (с. 158). Таким образом, проводились явные аналогии с внутренней политикой и личностью самого Сталина.

В шестой главе «Сталинская юбилеямания» рассматриваются празднования юбилеев революции, смерти А. С. Пушкина (1937), юбилеев самого вождя в 1929, 1939, 1949 гг. и 800-летия Москвы. При этом понятием «юбилеямания» автор характеризует и празднования в царствование Николая II, направленные на подъем патриотических настроений в обществе (с. 20–21). Схожая цель преследовалась и в советское время. Образ Пушкина использовался для возвеличивания русской культуры (с. 172), а юбилей Москвы служил для подчеркивания руссоцентризма и преемственности между русской и советской государственностью (с. 190). Особняком стоят в данном случае юбилеи самого вождя, служившие для закрепления его роли в происходящих исторических событиях. Так, юбилеи 1929 и 1939 гг. были сосредоточены на его роли как преемника Ленина и возвеличивании его участия в Гражданской войне (с. 184), а послевоенный — на его роли в победе в Великой Отечественной войне (с. 188–189).

Глава «Сталинская премия для историков» представляет собой анализ крайне интересной выборки исторических исследований, которая позволяет выявить историографический «мейнстрим» эпохи (с. 195). Факт присуждения Сталинской премии исследованию свидетельствовал об его актуальности для власти. Получение премии даровало лауреатам «социальный иммунитет», а для остальных такая работа должна была задавать концептуальный стандарт (с. 193–197). Однако затем автор приводит факты, которые не полностью соответствуют выдвинутому тезису. Он пишет о гонениях лауреатов И. И. Минца и Е. Н. Городецкого, указав, видимо, в заслугу премии, что до «прямых репрессий дело не дошло» (с. 197). Заслуга премии здесь видится сомнительной, так как в аналогичной ситуации гонений до прямых репрессий дело не дошло и для нелауреатов, какими были шельмовавшиеся в то время А. И. Андреев и Н. Л. Рубинштейн. Автор вносит уточнение и в тезис о превращении награжденных произведений в классические. Это происходило все же не всегда (с. 210).

Автор не ставил перед собой задачу написать обо всех историках-лауреатах, что вполне допустимо для книги такого формата. Правда, возникает вопрос, почему упоминается тот, а не иной историк. Так, автор обошел вниманием историка техники В. В. Данилевского, который за индивидуальные работы стал

дважды лауреатом премии в 1942 и 1948 гг., что было редчайшим достижением для историка, и чьи труды подпадают под критерий задающих концептуальный стандарт в рамках истории техники.

В следующей главе В. В. Тихонов переходит от крупных ученых к «маленьким людям» в науке. Такие люди, по словам автора, служили для трансляции через них высшими идеологическими органами в общество непривычных и провокационных идей, для выявления реакции на них и подготовки к их восприятию (с. 278). Однако не во всех случаях за сигналом следовала какая-то внятная реакция, довольно часто нарушители status quo оказывались обузой, и их активность старались приглушить (с. 292). Иными словами «маленькие люди» лишь добавляли конкретики проводимой кампании, в отсутствие же оной не играли особой роли.

Примечательно, что В. В. Тихонов не стремится строить из себя всезнающего мудреца, неоднократно обозначая неясность того или иного вопроса в современной науке. Так, например, много вопросов есть к фигуре Х. Г. Аджемьяна, поскольку до сих пор не ясно, кто были его покровители, почему именно через него проводились столь провокационные идеи, и т. д. (с. 266).

Название главы «Идеологические кампании позднего сталинизма» отсылает нас к книге автора 2016 г., и, по сути, глава представляет собой краткое изложение ключевых идей монографии [Тихонов]. Позволим себе остановиться на одной. Автор говорит о большом влиянии конфликтов внутри научного коллектива на ход идеологических кампаний позднего сталинизма, когда «многие... стремились использовать их для своих целей» (с. 304). По выражению автора, «конфликты стали питательной средой» для развития кампаний (Там же). В качестве примера берется тот факт, что при борьбе с «космополитами» коллектив ЛОИИ АН СССР вел себя достаточно спокойно и ограничился критикой уже ранее затронутых пяти человек, используя при критике аргументацию, высказанную ранее при обвинениях их в «объективизме»: «Новых обвиняемых (что как раз требовалось) никто искать не собирался» (с. 305). Этот пример не совсем удачен. В этой же главе В. В. Тихонов пишет про МГИАИ, где был давний внутренний конфликт (с. 304). Однако в МГИАИ практически так же, как и в ЛОИИ, с началом кампании по борьбе с «космополитами» продолжили прорабатывать раскритикованных во время борьбы с «объективизмом» А. И. Андреева и Л. В. Черепнина, и делали это с помощью ранее высказанных аргументов [Тихонов, с. 251]. Похоже, дело не всегда было в наличии внутреннего конфликта. В этом отношении весьма удачным примером влияния личного конфликта является описание отношений между И. И. Минцем и А. Л. Сидоровым, представленное во втором параграфе данной главы (с. 309–331).

В название последней главы автор выносит понятие «идеологические дискуссии». Они имели схожие с кампаниями форму и структуру, что обуславливалось тем, что их сценарии генерировались одними и теми же органами (с. 333). В то же время публичные дискуссии отличались меньшим идеологическим накалом и радиусом действия, чем кампании. Кроме того, ориентированность

на разрешение научных вопросов требовала поддержания открытости и терминологической грамотности дискуссии (с. 333).

В качестве конкретных примеров автор рассматривает дискуссии, имевшие существенную лингвистическую и этнографическую составляющую. Это дискуссии о языкознании, о курско-орловском диалекте и о принадлежности Крыма к древнерусской истории. Во время первой были шумно разгромлены теории покойного академика Н. Я. Марра о языке. По мнению В. В. Тихонова, это нельзя полностью объяснить только объективными причинами, связанными как с научной несостоятельностью «марризма», так и с политическими факторами. В итоге на первый план автор выдвигает субъективное желание вождя показать себя главным теоретиком (с. 337). Вторая дискуссия была прямым порождением первой и итог ее предопределялся высказыванием Сталина об орловско-курском диалекте, так что от ученых по сути требовалось лишь подвести под него научную базу. В решении этой задачи ярко проявился талант Б. А. Рыбакова (с. 347), предложившего удовлетворившую большинство теорию о древнерусской народности (с. 350–351). Дискуссия о этнической принадлежности исконного населения Крыма, ведшаяся в СССР с 1930-х гг. (с. 352–353), также была завершена Рыбаковым, заявившим о неразрывной связи Крыма с древнерусской народностью (с. 358).

Видится не совсем удачным употребление в заглавии не устоявшегося в современной науке понятия «идеологические дискуссии». Дискуссии шли все же не об идеологии, а по идеологизированным научным вопросам, соответственно, определение «идеологизированные дискуссии», возможно, подошло бы лучше. Сам автор, вероятно, понимая слабость данного определения, в самом тексте главы употребляет исключительно словосочетание «публичные дискуссии». Все это может создать у читателя обманчивое впечатление, что все публичные дискуссии историков проходили таким же образом. Тем не менее, бóльшая часть послевоенных дискуссий историков была не столь идеологизирована, при этом дискуссии вполне инициировались «снизу», самими учеными. Существовал и определенный шаблон: статья, инициирующая дискуссию, ответные статьи и подведение итогов. Такой была дискуссия 1946 г., развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» вокруг статьи П. П. Смирнова о возникновении централизованного Русского государства [Тихомиров].

В з а к л ю ч е н и и автор предостерегает от утилитарного отношения к прошлому и создания исторических мифов, утверждая, что их развенчание стало одной из причин кризиса советской идентичности и, как следствие, распада СССР (с. 364). Следует помнить, что «полезным» стремится сделать прошлое любое государство и любой режим (с. 8), поэтому данный «урок» будет актуален для любого современного государства.

В целом, рецензируемая книга позволяет в кратком виде ознакомиться со взглядами одного из ведущих специалистов по советской исторической науке и будет полезна не только так называемой «широкой аудитории», но и специалистам: студентам-историкам — как пособие в изучении советской

историографии, состоявшимся исследователям — как источник интересных наблюдений по истории науки, где в том числе формулируются проблемы, требующие решения.

Исследования

Тихомиров Н. В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х — начала 1950-х гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 67–74. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016.

References

Tikhomirov, N. V. (2020). Diskussii o periodizatsii protsessa tsentralizatsii russkogo gosudarstva v otechestvennoi istoriografii kontsa 1930-kh — nachala 1950-kh gg. [Discussions on the Periodisation of the Process of Centralisation of the Russian State in Russian Historiography of the Late 1930s — Early 1950s]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 3, 67–74. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>

Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-h — 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Studies (mid-1940s — 1953)]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Гилевич Никита Дмитриевич

инженер-исследователь
лаборатории цифровых технологий
в историко-культурных исследованиях
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru

Gilevich, Nikita Dmitrievich

Research Engineer
Laboratory of Digital Technologies
in Historical and Cultural Studies
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: gilevich.nikita@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4716-9553>